УДК 94(510)

ББК 63.3(5Кит)

DOI 10.31554/2222-9175-2019-35-10-55-65

В. Ю. Башкуев

ВРАЧУЯ «МЯТЕЖНОЕ СЕРДЦЕ АЗИИ»:
СОВЕТСКИЕ МЕДИКИ В СИНЬЦЗЯНЕ
В ПЕРИОД МУСУЛЬМАНСКОГО ВОССТАНИЯ 1931–1934 гг.

В продолжение темы советско-синьцзянских отношений в межвоенный период статья освещает малоизученный в мировой историографии сюжет самоотверженной работы советских медиков в Синьцзяне во время мощного мусульманского восстания 1931–1934 гг. В самый разгар боевых действий, когда синьцзянская столица Урумчи оказалась в кольце осады, советские медики помогали защитникам города и мирному населению, оперируя раненых, снабжая нуждающихся лекарствами и перевязочными средствами. Этим они завоевали доверие местного мусульманского и китайского населения, а также провинциального правительства. Работа советских врачей и медсестер во время восстания 1931–1934 гг. заложила основу для дальнейшей помощи СССР Синьцзяну в строительстве собственной системы здравоохранения.

Ключевые слова: Синьцзян, Урумчи, Комул, восстание, уйгуры, дунгане, Генконсульство СССР, медицинский пункт, хирургия, советская помощь.

V. Yu. Bashkuev

HEALING THE “REBELLIOUS HEART OF ASIA”:
SOVIET MEDICS IN XINJIANG DURING THE MUSLIM
UPRISING OF 1931–1934

In continuation of the theme of the Soviet-Xinjiang relations in the interwar period, this article shines a spotlight on a very understudied subject of the selfless work of Soviet physicians and nurses in Xinjiang amidst the horrors of the Muslim uprising of 1931–1934. At the peak of military confrontation, when Urumqi, the capital of Xinjiang, was under siege, Soviet medics helped the city's defenders and civilians operating the wounded and supplying those in need with drugs and first-aid materials. By doing so, they won the trust of the local Muslim and Chinese population and provincial government. The activity of the Soviet physicians and nurses during the uprising of 1931–1934 laid a foundation of the further Soviet assistance to Xinjiang in building its own healthcare.

Keywords: Xinjiang, Urumqi, Kumul, uprising, Uyghurs, Dungans, Consulate General of the USSR, infirmary, surgery, Soviet assistance.

В конце 1920–1930-х гг. западная китайская провинция Синьцзян постоянно находилась в поле зрения советского правительства и Коминтерна. Интерес к этому турбулентному региону, также известному как Восточный Туркестан, являлся стратегическим и подкреплялся несколькими важными факторами.

БАШКУЕВ Всеволод Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнографии и социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: seva91@yahoo.com.

Во-первых, СССР имел с Синьцзяном протяженную границу (около 1000 миль), которая исторически была проницаемой, так как на обеих ее сторонах проживало этнически и конфессионально близкое тюркоязычное мусульманское население. Во время гражданской войны в Восточный Туркестан из Оренбуржья, Семиречья и Западной Сибири ушли тысячи вооруженных белогвардейцев. А когда в Средней Азии развернулась борьба против советской власти, территория Синьцзяна стала естественным убежищем для лидеров басмаческого движения. Таким образом, внутренне нестабильная, наполненная антисоветски настроенными эмигрантами провинция представляла собой опасность как плацдарм для агрессии в советском Туркестане. В Москве особенно опасались активности японских спецслужб, которые, используя идеологию пантюркизма, могли инспирировать создание в Синьцзяне мусульманского тюркского государства, своего сателлита.

Во-вторых, Синьцзян по всем социально-политическим параметрам идеально подходил для деятельности Коминтерна по распространению пролетарской революции в Азии. Это была китайская колония с угнетенным мусульманским населением, которое жестоко эксплуатировали ханьские генерал-губернаторы, опиравшиеся на военную силу и политику «разделяй и властвуй». Постоянно тлевшее в традиционных элитах и среди населения недовольство имело колоссальный революционный потенциал. Однако боязнь утратить контроль над ситуацией в геополитически осяемом пограничном регионе удерживала советское руководство от действий по разжиганию народно-освободительного движения в Синьцзяне. В Москве хорошо понимали, что в основе синьцзянской турбулентности лежит не классовая борьба, а ненависть к китайцам и мусульманский фундаментализм, которые в условиях отсталого феодального общества быстро нивелируют любую большевистскую риторику.

По этому вопросу у советского руководства возникли разногласия даже с Коминтерном. Восточный секретариат исполкома Коминтерна (ИККИ) лоббировал поддержку сепаратистских настроений в Синьцзяне. В Кремле же во главу угла ставили прагматические интересы, в первую очередь экономическую важность провинции для развития советской индустрии в Казахстане, Средней Азии и Сибири. В начале 1930-х гг. СССР поглощал 90 % синьцзянского экспорта и был крупнейшим экономическим партнером Синьцзяна (80 % внешнеторгового оборота) [Гасанлы 2016: 21]. Ставить под удар выгодную для СССР и провинциального синьцзянского правительства торговлю и концессии на разработку полезных ископаемых ради помощи повстанцам Москва не хотела, несмотря на просьбы о помощи со стороны мусульманских сепаратистов.

Советские геополитические интересы и освободительная повестка мусульманских повстанцев впервые сплелись в противоречивый узел во время мощного мусульманского восстания 1931–1934 гг. Этот период в истории советско-синьцзянских отношений был очень важен, так как именно тогда в руководстве провинции произошел кардинальный сдвиг политического вектора на сотрудничество с СССР. В политической линии дубаня (генерал-губернатора) Шэн Шицая еще будут экстремальные колебания, от просьб принять его в ряды ВКП(б) до полицейского преследования всех, кто так или иначе контактировал с советской стороной. Однако именно период дунганского восстания 1931–1934 гг. стал прелюдией к беспрецедентному по размаху советско-синьцзянскому сотрудничеству, продлившемуся до 1942 г.

В данной статье акцент будет сделан на наименее исследованном, но чрезвычайно важном аспекте советского сотрудничества с Синьцзяном – медицинской помощи населению провинции. Целью работы является не выявление ее политического или социального значения, а освещение деятельности советских врачей в один

из самых критических для всего Синьцзяна моментов – во время дунганской осады провинциальной столицы Урумчи и непосредственно после нее. Восстановив по архивным документам и имеющейся историографии цепь событий, я сделаю попытку оценить то, как этот эпизод истории повлиял на дальнейшее развитие советско-синьцзянского сотрудничества в области медицины и здравоохранения.

Политическая ситуация и укрепление советского влияния в Синьцзяне (конец 1920-х – начало 1930-х гг.)

К лету 1928 г. в Синьцзяне отчетливо наметились тенденции к трансферу власти. Генерал-губернатор Ян Цзэсинь, управлявший провинцией с 1912 г., старался учитывать региональные и национальные различия и умело использовал их, поощряя фракционность и этнический партикуляризм [Millward, Tursun 2004: 71]. При нем не произошло ни одного мусульманского восстания. Однако назвать его правление «золотым веком» тоже нельзя. К 1926 г. стареющий Ян Цзэсинь, по-видимому, решил перебраться из Синьцзяна в более спокойную гавань, начав перевозить семью и нажитые богатства в британскую юрисдикцию в Тяньцзине и американскую на Филиппинах. В городском саду Урумчи он увековечил себя статуей, на возведение которой с населения взимались дополнительные налоги, а в июне 1928 г. поднял над столицей провинции флаг Гоминьдана, тем самым продекларировав свою лояльность Нанкину. Это послужило сигналом заговорщикам в его окружении. 7 июля 1928 г. на официальном банкете Ян Цзэсинь был застрелен. Через день главный заговорщик Фань Яонань со своими людьми был арестован и казнен Цзинь Шуженем, комиссаром внутренних дел провинции, который стал новым правителем Синьцзяна [Forbes 1986: 35–37].

Новый генерал-губернатор происходил из соседней провинции Ганьсу. Впоследствии это сыграло свою роль в развитии событий, приведших к мусульманскому восстанию. В отличие от Ян Цзэсиня, Цзинь Шужень не прислушивался к нуждам меньшинств, а, наоборот, старался выжать из них все возможное. В отношении иностранцев он тоже был нетерпим и старался во всем ограничить их влияние. Цзинь Шужень не любил Гоминьдан и убрал его представителей практически из всех областей управления. В Синьцзяне он пытался строить изолированное от мира средневековое общество. Из провинции утекали огромные финансовые средства, а также золотой песок, который вывозили специально нанятыми самолетами.

Однако к 1928 г. полная изоляция Синьцзяна была уже невозможна. Архаичный и ненадежный караванный маршрут, связывавший дальний запад с Китаем, был к тому времени окончательно прерван оккупацией восточной Ганьсу войсками маршала Фэн Юйсяна. В то же самое время СССР строил Турксиб, соединивший Фрунзе с Семипалатинском и в 1930 г. выведший Среднюю Азию к Транссибирской магистрали. По нему впоследствии осуществлялись не только основные грузоперевозки из Синьцзяна, но и транзитное пассажирское сообщение между Нанкином и Синьцзяном, которое было намного быстрее и надежнее пути через Ганьсу. С постройкой Турксиба Советский Союз изолировал Синьцзян от «западного капитализма», получив монополию на торговлю с провинцией и огромное политическое влияние в синьцзянских делах [Ibid.: 41–42].

Тем временем Цзинь Шужень вводил в провинции новые дискриминационные законы и налоги. Так, был введен налог на убой скота и запрет на хадж в Мекку через территорию Советского Союза. У мусульман Кашгара это вызвало возмущение: к своим святыням они ездили именно этим маршрутом. Еще за год до начала восстания губернатор Кашгара дунганин Ма Шао-ву тайно связался с советскими дипломатами в Урумчи, прося у них помощи в обмен на передачу Кашгарии под

советское влияние. «Вы получите здесь то, что имеют японцы в Маньчжурии», – обещал он, но советская сторона отнеслась к предложению осторожно, посчитав его проявлением «верхушечной борьбы». Более того, советские органы считали Ма Шао-ву и его сторонников японскими агентами [Гасанлы 2016: 19].

Одновременно непродуманные попытки Цзинь Шуженя подчинить китайским администраторам тянь-шаньских кочевников, киргизов и торгутов привели к вооруженным выступлениям и человеческим жертвам. В результате воинственные тянь-шаньские торгуты, обычно лояльные правительству в Урумчи, обратились против генерал-губернатора.

Последней каплей, приведшей к открытому восстанию мусульман против Цзинь Шуженя, стала аннексия небольшого вассального Комульского ханства, где правил Максуд-шах, последний из династии Чагатаидов. Через Комул, или по-китайски Хами, проходила основная дорога, связывающая Синьцзян с Китаем. На юго-востоке ханство граничило с провинцией Ганьсу, а его южные границы упирались в безводные просторы Гашун Гоби. Управлявшийся Максуд-шахом и его беками Комул платил Урумчи небольшую дань, часть которой возвращалась обратно в виде субсидии. Население ханства, составлявшее 25–30 тыс. чел., обрабатывало землю, занималось скотоводством и было относительно зажиточным. Еще важнее было то, что мусульмане Синьцзяна гордились Максуд-шахом, человеком их этнического происхождения и веры, носившим гордое имя «короля Гоби», а также автономией Комула. Это был важный символ, имевший отчасти религиозное значение.

Когда в марте 1930 г. старый Максуд-шах умер, советник подбросил Цзинь Шуженю идею упразднить комульскую автономию. Генерал-губернатор охотно пошел на этот шаг, одновременно открыв Комул для китайских поселенцев из голодающей провинции Ганьсу. Китайцы выгоняли комульцев с распаханых, но незасеянных земель, а в виде «компенсации» отдавали им заброшенные участки на границе пустыни. Одновременно сельскохозяйственные налоги для комульцев выросли вдвое, а китайские переселенцы получили сельскохозяйственный инвентарь и освобождение от налогов на два года [Millward, Tursun 2004: 74]. Все это вызывало растущее возмущение мусульман.

Социальный взрыв произошел в феврале 1931 г., когда Чан Му, китайский сборщик налогов и по совместительству начальник полиции в деревне Сяо-пу, в нарушение исламского запрета решил жениться на 17-летней уйгурской девушке. Ее отец Салих Дарга изобразил согласие, пригласил Чан Му и 32 человека его личной охраны на ужин, напоил китайцев допьяна и всех перебил. Захватив винтовки, уйгуры безжалостно расправились с местными переселенцами из Ганьсу (около 100 семей). Восстание быстро охватило весь Комул. Лишь в укрепленном Старом городе китайцам удалось запереться и организовать оборону [Forbes 1986: 48–49; Гасанлы 2016: 16].

Во главе комульского восстания встали всеми уважаемый уйгур Ходжа Нияз Хаджи и бывший советник Максуд-шаха Юлбарс-хан. К движению примкнули местные дунгане, затем киргизы соседнего Карлык Тага, возмущенные насаждением китайской администрации в 1929 г., и казахи Баркуля. В результате нескольких удачных операций против провинциальных войск были захвачены винтовки и пулеметы.

Восставшие обращались за помощью за пределы провинции. В мае 1931 г. Ходжа Нияз Хаджи обратился с письмом к монгольскому ревкому с просьбой о помощи. В Монголию были посланы представители уйгуров Исмаил Ахун, Имин Курмала, Зуретдин Ахун. Руководители восстания уверяли монголов, что помощи ждут не только поработанные китайцами мусульмане, но и их соплеменники – кашгарские торгуты [Гасанлы 2016: 17].

В июне 1931 г. восставшие направили Юлбарс-хана в Нанкин для переговоров с гоминьдановским правительством. Путь лежал через Ганьсу, где Юлбарс-хана встретил дунганский военачальник Ма Чжуньин. По версии самого Юлбарс-хана, Ма Чжуньин пригласил его на обед в ямине города Сучжоу, где якобы принял решение помочь братьям по вере и привести свои войска в Синьцзян.

Скорее всего, Ма Чжуньин давно планировал присоединиться к синьцзянским делам, движимый идеей создания мусульманского государства на территориях китайского и советского Туркестана. В тот период амбициозному дунганину был всего 21 год. Уже в возрасте 17 лет Ма Чжуньин зарекомендовал себя как удачливый военачальник, заработал прозвище «маленький командир» и потеснил своих родственников – милитаристов из «клики Ма». Из контролируемой им северо-западной Ганьсу поступательно двигаться можно было лишь в сторону восставшего Комула; движение в сторону Китая означало бы столкновение с его дядей Ма Буфаном, а этого Ма Чжуньин не хотел. Его армия насчитывала не более 1000 чел. и использовала «тактику саранчи», т. е. налетала, грабила и уходила дожидаться, пока трудолюбивые крестьяне приведут в порядок свои разоренные хозяйства [Forbes 1986: 55–56].

В конце июня 1931 г. Ма Чжуньин во главе 500 дунганских солдат вторгся в Синьцзян. Соединившись с восставшими уйгурами, дунгане осадили Старый город в Комуле, но хорошо вооруженный китайский гарнизон отбил все попытки штурма. Осада Старого города затянулась до октября 1931 г. За это время Ма Чжуньин совершил бросок в Баркуль, захватил местный гарнизон со всем арсеналом, присоединил к своей армии новых повстанцев, окрыленных победой, и вернулся под стены Комула. Тем не менее ни взять гарнизон измором, ни проломить стены, ни успешно штурмовать Старый город повстанцам не удалось.

Тем временем Цзинь Шужень лихорадочно пытался собрать силы. Тяньшаньские торгуты, способные выставить самую боеспособную кавалерию в провинции, отказались защищать генерал-губернатора, помня о событиях 1929 г. К тому же торгутский регент Цэцэн Пунцаг гэгэн, «живой Будда», обнаружил при своем дворе заговор, участники которого бежали в Урумчи, дав монголам твердые основания подозревать в его организации Цзинь Шуженя [Ibid.: 60–61].

Лишившись поддержки монголов, генерал-губернатор обратился к белогвардейцам, расселенным преимущественно в долине р. Или. Пригрозив им депортацией в СССР, он смог набрать около 250 чел. под командованием полковника П. П. Паппенгута, ставших ядром правительственных сил. В стычке с ними Ма Чжуньин был серьезно ранен и покинул Синьцзян, перебравшись обратно в северо-западную Ганьсу. Осада гарнизона Старого города в Комуле была снята. Оставшиеся в живых китайцы начали кровавые репрессии против комульцев, так что даже те, кто изначально не поддерживал повстанцев, перешли на их сторону.

Параллельно летом 1931 г. Цзинь Шужень обратился к СССР с просьбой продать вооружение и авиатехнику. Восточный секретариат ИККИ категорически выступил против снабжения синьцзянского режима оружием, но Политбюро ЦК ВКП(б) рассудило по-своему. Уже 5 августа 1931 г., еще до поступления предложений от Коминтерна, оно утвердило предложение НКВД о продаже Синьцзяну двух самолетов. В июне 1932 г. Политбюро постфактум утвердило сделку по продаже восьми самолетов, авиабомб, патронов, авиационного бензина на сумму 200705 дол. США [Гасанлы 2016: 24]. Понятно, что закупленное оружие должно было использоваться против «банд» повстанцев.

Однако кардинально ситуации это не изменило. Вторая волна восстания началась в Турфанском оазисе. Осенью 1932 г. дунганин Ма Фумин, командир турфанского гарнизона, перешел с войсками на сторону восставших. Уничтожив два ки-

тайских подразделения, шедших на подавление Турфанского восстания, Ма Фумин и эмиссар Ма Чжунъина Ма Шимин сосредоточили значительные повстанческие силы в Турфане, нацелив их на Урумчи. Восстания охватили Пичан к востоку от Турфана и Карашар в 175 милях на юго-восток. Расправа Цзинь Шуженя над торгутским регентом Цэцэн Пунцаг гэгэном в мае 1932 г. окончательно отвратила монголов от провинциального правительства, и китайцы в Карашаре были обречены. Зимой 1933 г. новый дунганский командующий Ма Чанцан вместе с местным уйгурским лидером Тимуром захватили Кучу и повели наступление на г. Аксу [Forbes 1986: 73].

В середине зимы 1933 г. дунганская кавалерия Ма Шимина, солдаты «генерала-ренегата» Ма Фумина и тысячи уйгурских повстанцев начали наступление на Урумчи. Уничтожив китайские заслоны на перевале Даван Чен, повстанческая армия с юга подошла к синьцзянской столице. 29 января городские ворота захлопнулись, но только 21 февраля под покровом ночи дунганские войска достигли города, захватили Большой Западный мост и начали осаду. Гарнизон Урумчи насчитывал около 700 солдат, но основной силой, спасшей столицу, стали 300 белогвардейцев Паппенгута. В двухдневных ожесточенных боях врукопашную русские отогнали дунган и уйгуров от стен укрепленного Старого города. Китайские власти побоялись впустить внутрь укреплений тысячи мусульманских беженцев, скопившихся на «Улице младшего учения» (китайский эвфемизм, обозначающий ислам), примыкавшей к Западным воротам. Командующий гарнизоном генерал Пай отдал приказ поджечь дома вдоль улицы, а когда мечущаяся толпа хлынула от ворот к мосту, их накрыл пулеметный огонь. В огне и от пуль погибли тысячи повстанцев и беженцев [Ibid.: 103].

Несмотря на героическое сопротивление, Урумчи бы пал, если бы к городу из Турфанского оазиса не подошли крупные правительственные силы под командованием Шэн Шицая. Этот уроженец Южной Маньчжурии, обучавшийся в Японии, выдвинулся за счет военных достижений (операции против Ходжи Нияза Хаджи в 1931 г.) и был назначен на должность главнокомандующего, несмотря на недоверие Цзинь Шуженя. Впоследствии это сыграло огромную роль как в судьбе самого генерал-губернатора, так и в истории советско-синьцзянских связей.

Но как же вышло, что, казалось бы, обреченное провинциальное правительство вдруг получило значительное военное подкрепление? Ответ прост – ему помог Советский Союз. В этот раз помощь оказывалась исключительно китайской живой силой. В декабре 1932 г. под натиском оккупировавших Маньчжурию японцев на территорию СССР отошли и были интернированы так называемые охранные войска Китая под командованием генерала Су Бинвэя. Всего военных насчитывалось около 2900 чел. Сначала планировалось вернуть их домой через Дальний Восток, но после эскалации ситуации в Синьцзяне было решено эвакуировать интернированных китайцев в Синьцзян. Эти-то войска и помогли снять осаду с Урумчи зимой 1933 г. [Бармин и др. 2014: 189].

Тем не менее, несмотря на тактические успехи, общая ситуация в провинции складывалась не в пользу правительства. Посланные из Кучи в Таримскую котловину дунганские агенты распропагандировали золотодобытчиков Сургака близ Керии и Каракаша возле Хотана. Весной 1933 г. уйгуры в Каракаше убили местного амбана и несколько китайцев, а восставшие горняки Керии захватили золотые шахты Сургака. В конце марта весь Кашгарский округ и большая часть столичного округа Урумчи перешла под контроль повстанцев. Одновременно в Алтайском округе взбунтовались казахи под руководством Османа. Когда численность восставших достигла 1000 чел., они атаковали административный центр округа г. Шара Сумэ [Гасанлы 2016: 26].

В этих условиях в Синьцзяне произошел очередной трансфер власти. 12 апреля 1933 г. барон Паппенгут и полковник Бехтеев свергли Цзинь Шуженя, который вынужден был бежать. Новым правителем Синьцзяна стал командующий китайскими войсками Шэн Шицай. Он взял старый титул военного губернатора (дубань) и начал переговоры с Ходжой Ниязом Хаджи, одним из основных лидеров уйгурских повстанцев. В итоге Шэн Шицай склонил его к переходу в правительственный лагерь и выступлению против Ма Чжуньина, не желавшего видеть в уйгурах равноправных соратников. На стороне Ходжи Нияза Хаджи и правительственных войск выступили алтайские казахи и карашарские монголы.

Параллельно дубань вел переговоры с Ма Чжуньином, но договориться о перемирии не сумел. Военные действия между правительственными войсками и дунганами продолжились. Тем временем в ноябре 1933 г. в Кашгаре правительством «хотанских эмиров» была провозглашена независимая Тюрко-Исламская республика Восточного Туркестана (ТИРВТ), главой которой заочно был избран Ходжа Нияз Хаджи, а основополагающим документом стала шариатская конституция. Лидеры ТИРВТ сразу же стали добиваться признания мятежной республики Турцией, Великобританией и Афганистаном. Были установлены связи с мусульманами Индии, японцами, германским посольством в Кабуле. Начались попытки добиться британского протектората.

Такое развитие ситуации серьезно обеспокоило Москву. Особенно неприятными были известия о том, что на призывы уйгуров в Хотан и Кашгар начали активно стягиваться бывшие ферганские и бухарские басмачи, турецкие националисты и прочие враждебные СССР элементы. Определенные опасения вызывали попытки уйгурских лидеров уйти под покровительство геополитических противников Советского Союза – Японии, Великобритании и Германии, переговоры с которыми велись представителями ТИРВТ, и возможность образования в Синьцзяне лояльного Японии марионеточного государства по образцу Маньчжоу-Го. Кроме того, Кремль совсем не желал возникновения на сопредельной территории очага пантюркистской националистической идеологии, способной возродить басмачество в не так давно умиротворенной Средней Азии [Абдуллаев 2009: 334; Мавлонова 2013: 55; Бармин и др. 2016: 230–231].

Поэтому когда синьцзянский дубань обратился с просьбой о военной помощи к СССР, прибыв с визитом в Москву в декабре 1933 г., советское правительство приняло решение о введении на территорию провинции так называемой «Алтайской добровольческой армии», состоявшей из частей ОГПУ, переодетых в русскую форму старого образца без опознавательных знаков. В начале 1934 г. «алтайцы» обрушились на осаждавшую Урумчи в третий раз армию Ма Чжуньина. В оперативном подчинении у советского командования находились вооруженные советским оружием белогвардейцы и торгутская кавалерия. С воздуха операция поддерживалась самолетами без опознавательных знаков, а с земли – броневиками. Повстанцы были смяты, разбиты и рассеяны.

Помогая Шэн Шицаю, советское правительство вело двойную игру. Поддержка китайских властей в борьбе против мусульманских повстанцев шла вразрез с идеологической линией Коминтерна, постулировавшей помощь национально-освободительному движению народов Азии. Поэтому к побежденным синьцзянским мусульманам был разработан особый подход. Лидерам восстания предполагалось предоставить убежище в СССР и использовать их против китайцев, когда для этого настанет час [Абдуллаев 2009: 319]. После разгрома ТИРВТ дунганами и падения Кашгара в феврале 1934 г. в СССР бежал Ходжа Нияз Хаджи, вскоре заявивший об официальном роспуске вооруженных отрядов республики. 10 июля 1934 г. на совет-

скую территорию перешел и был интернирован Ма Чжунъин с группой соратников. На требование о выдаче вождя мятежников Шэнь Шицай получил от Кремля категорический отказ [Бармин и др. 2016: 231]. Однако в дальнейшем следы Ма Чжунъина теряются – до сих пор неизвестно, какая судьба постигла дунганского генерала в СССР, где и когда закончился его жизненный путь.

Советские врачи в Синьцзяне в период дунганского восстания

Российские медицинские учреждения существовали в Синьцзяне еще до революции. В 1911–1913 гг. в Кашгаре работала амбулатория при русском консульстве, в среднем принимавшая 32 чел. в день. Большое количество пациентов говорит о том, что медпомощь оказывалась не только русским подданным, но и местным жителям. После советско-синьцзянского соглашения 1924 г., учреждавшего консульства СССР в Урумчи и крупных городах провинции, специалистам пришлось восстанавливать дореволюционные или открывать новые консульские медицинские пункты. Растущие в Синьцзяне «совколонии» требовали квалифицированного европейского медобслуживания.

При советском генеральном консульстве в Урумчи располагался центральный медицинский пункт. Постоянная передача медицинского обслуживания советских подданных в Синьцзяне из одного ведомственного подчинения в другое приводила к перебоям в финансировании, и к началу 1930-х гг. генконсульский медпункт пришел в полный упадок. В начале 1933 г. в урумчинский медпункт был направлен энергичный новый заведующий – хирург В. И. Сапожников. Он активно начал восстановление медицинского обслуживания, подвергнув кардинальной реконструкции весь медпункт. Пришлось собирать с нуля весь инвентарь медицинского учреждения, от половых щеток, чайников и кувшинов до шкафов, кроватей, постельного белья и медицинского инструментария. На территории генконсульства появилась аптечная база. Кроме того, преодолевая сопротивление координировавшего работу зарубежных медпунктов Общесоюзного бюро международной санитарной информации НКЗ РСФСР, В. И. Сапожников взялся за строительство медицинского стационара.

К ноябрю 1933 г. стараниями доктора Сапожникова в Урумчи появилась первая современная операционная, отвечавшая всем медицинским требованиям. Ее можно было использовать для сложных операций. В стационаре для хирургических больных были оборудованы две палаты (мужская и женская), а также временный изолятор из двух комнат [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 573. Л. 117].

Дальновидность В. И. Сапожникова в вопросах размещения инфраструктурных объектов и планирования медработы очень быстро подтвердилась. В январе 1934 г. вокруг Урумчи развернулись драматические события. Город снова оказался в кольце осады. На этот раз к столице провинции подступил сам Большой Конь Ма Чжунъин с большим количеством дунганских войск.

Осада Урумчи дунганами продолжалась ровно месяц. Город беспрерывно обстреливался артиллерией. Снаряды сыпались на улицы и дома мирных жителей. По улицам беспрерывно свистели пули. На советское генконсульство упало около 20 снарядов, разбивая стены, крыши, постройки. Была уничтожена баня. К счастью, человеческих жертв среди советских граждан не было [Там же. Д. 592. Л. 128].

Советское медицинское учреждение располагалось в Янхане, мусульманском районе Урумчи. Во время осады В. И. Сапожников убедился в правильности своего решения оборудовать аптечную базу медпункта в Генконсульстве СССР, так как существовала большая вероятность захвата Янхана дунганами. Поэтому медикаменты и инструментарий пришлось все время приносить и уносить с собой.

В условиях постоянных обстрелов советские врачи, практически не отдыхая, самоотверженно вели работу по спасению раненых. В. И. Сапожников писал: «Положе-

ние и медпункта, и населения во время осады было бы трагическим, не будь у нас оборудованной операционной. При наличии же операционной медицинский пункт в эти тяжелые дни смог обслуживать весь гарнизон Янхана и городское население, весьма страдавшее от не прекращавшегося в течение целого месяца обстрела. Мы производили в этой операционной... весьма сложные операции, как резекции пораненных кишок, зашивание пробитых органов брюшной полости, не говоря об ампутациях, перевязках крупных сосудов и прочих операциях, относящихся к области военно-полевой хирургии. В эти дни всему персоналу медпункта пришлось нести очень большую и ответственную работу и днем, и ночью» [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 573. Л. 117об.].

К концу осады, когда известия о подходе с Алтая больших воинских соединений достигли Урумчи, В. И. Сапожников устроил в Янхане лазарет на 20 коек для раненых и изолятор для больных сыпным тифом. Все это он впоследствии передал в пользование военным врачам алтайского отряда [Там же. Л. 117–118].

После снятия осады обстановка в Урумчи оставалась тяжелой. К массе раненых военных и гражданских добавились эпидемии оспы и сыпного тифа; в консульском медпункте ощущался дефицит самых необходимых лекарств и материалов. Оказавшись за линией фронта, Урумчи превратился в главный эвакуационный пункт китайской армии. В Советском генконсульстве была единственная на 600 км операционная.

В этой связи В. И. Сапожников писал в ОБЗСИ: «И вот вам обстановка работы: оспа, сыпняк, осада, голод и непрерывный поток раненых. Работали дни и ночи: я, жена моя и весь мой персонал сильно измотались, так как за весь месяц не было дня отдыха. ...Мне приходилось оперировать как Амбруазу Парэ в 16-м веке, без наркоза, под крик оперируемого – это тяжело». В такой сложной ситуации советские медики разворачивали хирургический лазарет на 30 коек, оказывали бесплатную медицинскую помощь, делились перевязочными средствами с китайскими военными. Часть медикаментов пришлось продать китайцам, так как нечем было платить заработную плату медицинскому персоналу. В. И. Сапожников просил ОБЗСИ срочно прислать наркоз, камфару, кофеин, новокаин, перевязочные материалы [Там же. Д. 592. Л. 128, 128об.].

После осады Урумчи авторитет советской медицины в Синьцзяне очень укрепился. В письме директору ОБЗСИ профессору В. М. Броннеру от 30 мая 1934 г. В. И. Сапожников отмечал, что основной его установкой по приезде в Синьцзян было продвижение советской медицины в массы местного населения, и в этом направлении он с самого начала выстраивал работу медпункта. Рост квартальных показателей посещаемости амбулатории в 1933–1934 гг. свидетельствовал об очевидных успехах в выполнении задачи. Если в III квартале 1933 г. амбулаторию посетило 1554 чел., в IV – 1842, то в I квартале 1934 г. – 2775 чел. [Там же. Л. 77]. Области, наиболее эффективно демонстрировавшими местному населению мощь советской медицины, были хирургия и венерология.

По мнению В. И. Сапожникова, именно хирургия создала настоящую популярность советским медучреждениям. Следы войны еще долго сказывались в северном Синьцзяне. Неразорвавшиеся боеприпасы, найденные кочевниками или солдатами китайского гарнизона, часто становились причинами серьезных ранений.

Операционная урумчинского медпункта быстро наполнилась жертвами «эха войны». «Получались взрывы, отрывались руки, ноги, – писал об этом Сапожников. – Но уже широко шла молва, куда вести пострадавших, и нередко на двор медпункта на носилках, привязанных меж двух лошадей, или на верблюдах с отдаленных районов привозили раненых с серьезными ранениями конечностей» [Там же. Д. 573. Л. 118]. Советский медпункт проводил срочные операции таких пациентов, не потеряв ни одной человеческой жизни.

Молва о чудодейственном лечении быстро распространилась по округе, и люди начали ложиться на обычные операции – удаление грыжи или аппендицита, не говоря о малой хирургии, производившейся амбулаторно. В советское медучреждение стали приезжать больные из других городов Синьцзяна. Советская медицина заработала на благо жителей Синьцзяна, пострадавших от военных действий во время мусульманского восстания.

Заключение

Мощное мусульманское восстание 1931–1934 гг. показало советскому руководству уязвимость китайской власти в Синьцзяне, одновременно укрепив Кремль в мысли о том, что: 1) провинцию ни в коем случае нельзя выпускать с геополитической орбиты, иначе там быстро образуется либо враждебный СССР японский сателлит, либо не менее опасное фундаменталистское мусульманское государство; 2) необходимо укреплять свои позиции в западном Китае, чтобы максимально использовать его геополитические и, особенно, экономические ресурсы. Приход к власти Шэн Шицая, чья политическая повестка строилась на укреплении многосторонних связей с Советским Союзом, открывал огромные, до той поры нереальные возможности по эксплуатации синьцзянских сырьевых богатств и созданию в провинции положительного образа СССР.

Военные действия также сделали очевидным тот факт, что советские граждане в Синьцзяне, а также местные жители очень нуждались в квалифицированной медицинской помощи. То, что в 1933 г. пришедшим в упадок генконсульским медпунктом в Урумчи занялся волевой и энергичный В. И. Сапожников, патриот своей страны и благородной профессии хирурга, оказалось одновременно счастливым для всех стечением обстоятельств и знаком того, что Синьцзян требует квалифицированных и преданных своему делу специалистов. Невозможно переоценить роль советских врачей в спасении раненых солдат и мирных жителей Синьцзяна во время жестокой осады Урумчи и после нее. Именно их подвиг показал жителям Синьцзяна, мусульманам, китайцам, кочевникам-тюрькам и монголам гуманную сущность советских врачей и заронил семена доверия, позволившие вывести медико-санитарную помощь провинции на новый уровень – полномасштабное медицинское сотрудничество и советское содействие в создании в провинции собственной системы здравоохранения.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00031).

Источник и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-482 – Министерство здравоохранения РСФСР, оп. 35 – Общесоюзное бюрограничной санитарной информации.

Абдуллаев К. Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века / К. Н. Абдуллаев. – Душанбе: Ирфон, 2009. – 571 с.

Бармин В. А. Еще раз о мотивах советского правительства при оказании военной помощи властям Синьцзяна в подавлении национально-освободительного движения коренных народов провинции в 1931–1934 гг. / В. А. Бармин // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4(31). – С. 187–193.

Бармин В. А. Синьцзян: очерк истории региона / В. А. Бармин, С. В. Дмитриев, В. Г. Шматов // Общество и государство в Китае. – 2016. – Т. 46. – № 21-2. – С. 209–244.

Гасанлы Дж. П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931–1949) / Дж. П. Гасанлы; пер. с азерб. Ф. Гаджиева. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 360 с.

Мавлонова А. С. Основные направления политики России в Синьцзяне / А. С. Мавлонова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. – 2013. – № 3. – С. 52–59.

Forbes A. D. W. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: A Political History of Republican Sinkiang 1911–1949 / A. D. W. Forbes. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 377 p.

Millward J. A. Political History and Strategies of Control, 1884–1978 / J. A. Millward, N. Tur-sun // Xinjiang: China's Muslim Borderland; ed. S. Frederick Starr. – Armonk, N. Y. and London: M. E. Sharpe, 2004. – 484 p.

References

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. A-482 Ministerstvo zdravoohrane-niya RSFSR, op. 35 Obshchesoyuznoe byuro zagranichnoj sanitarnoj informacii.

Abdullaev K. N. Ot Sin'czyana do Horasana. Iz istorii sredneaziatskoj emigracii XX veka / K. N. Abdullaev. – Dushanbe: Irfon, 2009. – 571 s.

Barmin V. A. Eshche raz o motivah sovetskogo pravitel'stva pri okazanii voennoj pomo-shchi vlastyam Sin'czyana v podavlenii nacional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya korennyh na-rodov provincii v 1931–1934 gg. / V. A. Barmin // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo peda-gogicheskogo universiteta. – 2014. – № 4(31). – S. 187–193.

Barmin V. A. Sin'czyan: ocherk istorii regiona / V. A. Barmin, S. V. Dmitriev, V. G. Shma-tov // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. – 2016. – T. 46. – № 21-2. – S. 209–244.

Gasanly Dzh. P. Sin'czyan v orbite sovetskoj politiki: Stalin i musul'manskoe dvizhenie v Vostochnom Turkestane (1931–1949) / Dzh. P. Gasanly; per. s azerb. F. Gadzhieva. – 2-e izd., ster. – M.: FLINTA, 2016. – 360 s.

Mavlonova A. S. Osnovnye napravleniya politiki Rossii v Sin'czyane / A. S. Mavlonova // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2013. – № 3. – S. 52–59.

Forbes A. D. W. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: A Political History of Republican Sinkiang 1911–1949 / A. D. W. Forbes. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 377 p.

Millward J. A. Political History and Strategies of Control, 1884–1978 / J. A. Millward, N. Tur-sun // Xinjiang: China's Muslim Borderland; ed. S. Frederick Starr. – Armonk, N. Y. and London: M. E. Sharpe, 2004. – 484 p.